

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТГУ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В ФИЛОЛОГИИ XXI ВЕКА:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**Материалы Всероссийской молодежной конференции
23–25 августа 2012 г.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2012

Таким образом, можно сделать вывод, что речевой образ Джейка в русском переводе подвергся изменениям, которые отразились, прежде всего, на чертах характера героя. В некоторых эпизодах фигура эстетствующего интеллектуала становится более утонченной благодаря возвышенным фразам, а иногда герой, напротив, не стесняется крепких разговорных выражений.

Однако в целом, несмотря на мелкие упущения, переводчице удалось сохранить неповторимый образ главного героя и передать его оригинальные, порой наивные жизненные воззрения. Так или иначе, красноречивее всего об успехе перевода свидетельствует любовь читателей, которую в полной мере завоевал эксцентричный Джейк Донагью из романа «Под сетью» в России.

Примечания

¹ Шестаков Д. О двух романах Айрис Мердок... С. 10.

² Murdoch I. Under the Net. Chatto & Windus. – Penguin Books, 1954. P. 46 (здесь и далее цитируется по этому источнику).

³ Мердок Айрис Под сетью. Дикая роза. – М., 1989. С. 14 (здесь и далее цит. по этому источнику).

⁴ Oxford Wordpower Dictionary. – Oxford, 1996. – P. 70.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НОСА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ И Э.Т.А. ГОФМАНА

А.Ю. Бычкова, ТГУ, аспирант
Научный руководитель – О.Б. Лебедева

Тема носа — одна из ключевых в произведениях Гоголя. Она тесно связана с рядом мотивов. В первую очередь это, разумеется, табак, который в огромных количествах поглощают носы гоголевских персонажей, и еда, запах которой носы готовы учуять где угодно. В итоге такие мотивы, неизменно сопровождающие тему носа, могут создавать ринологический фон и встречаются самостоятельно, без ринологии как таковой. В повести «Нос» соответствующая центральная фигура появляется в результате отделения от своего хозяина майора Ковалева и разгуливает по Петербургу, продолжая быть частью тела, кажущейся самостоятельной личностью. В этом случае можно говорить о физиологическом или биологическом образе носа, ведь о том, что это — именно часть тела, сообщается напрямую. В некоторых других гоголевских произведениях встречаются и антропологический образ носа. Это случаи, когда ринологический фон, созданный соответствующими мотивами (например, еды и табака), превращает персонажей, формально являющихся людьми, в носы.

Таким произведением является комедия Н.В. Гоголя «Ревизор». Замысел произведения относится к 1835 г.: т. е. к тому времени, когда Гоголь вернулся к работе над повестью «Нос», первая черновая редакция которой относится к 1833–1834 гг.¹ Поэтому не будет ошибкой утверждать, что комедия имеет ринологический фон, который к тому же подтверждается соответствующими деталями сюжета.

Так, появление главного персонажа во втором явлении второго действия связано сразу с двумя мотивами: еда и табак.

Х л е с т а к о в . <...> Посмотри там в картузе, *табаку* нет?

О с и п . Да где ж ему быть, *табаку*! вы четвертого дня последнее выкурили.

Х л е с т а к о в <...> Послушай, эй, Осип!

О с и п . Чего изволите?

Х л е с т а к о в <...> Ты ступай туда.

О с и п. Куда?

Х л е с т а к о в <...> Вниз, в буфет. . . Там скажи. . . чтобы мне дали *пообедать*².

Требование Хлестакова найти ему табак и обед совпадает с основной потребностью всех гоголевских носов — потребностью поглощать. При этом во всем тексте комедии сообщения Хлестакова на тему его любви поесть в беседах с другими персонажами или наедине с собой составляют значительную часть его высказываний: в его репликах можно насчитать пятнадцать упоминаний о еде. Рассмотрим подробнее некоторые из них, в которых парадоксальным образом обнаруживается сходство героя с носами: «Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно *есть*. Деньги сами собою. . . Он думает, что как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!» (IV, 29). Если принять во внимание возможность обыгрывания в художественном тексте разных смыслов слова «мужик», то в просьбе добыть обед Хлестаков почти противопоставляет себя человеку: «мужик» это не только «крестьянин», но и синоним слова «мужчина». Мужчине-человеку — по мнению Хлестакова — есть ежедневно необязательно. Однако его собственное питание, в соответствии с повышенными потребностями, свойственными носам, должно быть регулярным. Здесь обнаруживается сходство Хлестакова с носами в других текстах Гоголя, где процесс вдыхания табака, производимый повсеместно, зачастую сравнивается с поеданием пищи. Как ни странно, именно аргумент, противопоставляющий Хлестакова мужику (человеку), оказывается в убеждении решающим: несмотря на долгие уговоры, именно после него слуга неожиданно соглашается позаботиться о еде. Причина действенности аргумента в том, что все персонажи комедии ожидают от Хлестакова определенного поведения, и оно находит выражение именно в этой его реплике. Рассмотрим другой пример:

О с и п. Несут обед.

Х л е с т а к о в <...> Несут! несут! несут! <...> что там такое?

С л у г а. Суп и жаркое.

Х л е с т а к о в. Как, *только два блюда?* (IV, 31).

Двух блюд, выпрошенных Хлестаковым на обед, оказывается ему недостаточно. Помимо жаркого и супа он требует соус, семгу, котлеты и «еще много кой-чего» (IV, 31). Далее он негодует, что ему с его склонностью к чрезмерному поглощению еды подают меньше, чем другим — обычным людям: «Поросенок ты скверный. . . Как же они едят, а я не ем? отчего же я, чорт возьми, не могу так же?» (IV, 31).

Как яркий ринологический образ Хлестаков идентифицируется другими персонажами комедии и через нос: «Осип, душенька! какой *миленькой носик* у твоего барина!» (IV, 54).

Помимо гастрономических особенностей главный герой комедии «Ревизор» имеет склонность к некоторым жестам, словно заимствованным у носа майора Ковалева. Так, например, в повести «Нос» среди появлений ее заглавного персонажа наиболее эффективным и поразившим Ковалева был проезд на карете: «перед подъездом остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнул, согнувшись, господин <...>. Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага (III, 54).

Выход из кареты также дал Ковалеву полное представление о том, кем именно он был совершен. Хлестаков мечтает о том, чтобы тоже произвести впечатление и охарактеризовать себя в глазах других приездом на карете: «Жаль, что Иохим не дал на прокат кареты, а хорошо бы, чорт побери, *приехать* домой *в карете*, подкатить эдаким чортом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади одеть в ливрею» (IV, 30).

Повадки, свойственные носам, проявляют себя у Хлестакова и в желании прохаживаться по Невскому проспекту. Гоголь в «Предупреждении для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”», указывает: «Обрываемый и обрезываемый доселе во всем, даже и в замашке *пройтись козырем по Невскому проспекту*, он почувствовал простор и вдруг развернулся неожиданно для самого себя» (III, 116). Хлестаков имел замашку «пройтись по Невскому проспекту», а нос в соответствующей повести ее осуществил: «начали говорить, будто нос коллежского асессора Ковалева ровно в 3 часа *прогуливается по Невскому проспекту*» (III, 71).

Действия Хлестакова приводят к тому же эффекту, что и действия носа: окружающие принимают и того, и другого не за то, чем они на самом деле являются, причем в обоих случаях за чиновника высокого ранга. Хлестаков не прилагает никаких усилий для того, чтобы показаться жителям уездного города ревизором: они сами надевают на него эту маску и добровольно пребывают в своем заблуждении относительно его личности. Хлестаков в своем письме сообщает: «По моей петербургской физиономии и по костюму весь город принял меня за генерал-губернатора» (IV, 90). Ковалев в повести «Нос», так же, как и местное население «Ревизора», сам становится причиной своего обмана зрения: одежда носа — шитый золотом мундир — не оставляет майору сомнений, что его обладатель — чиновник рангом выше, чем он.

Еще одна черта, характеризующая Хлестакова как ринологического персонажа, — это анонимность. В повести «Нос» подчеркивается отсутствие индивидуальности у сбежавшего носа майора Ковалева, о которой было сказано в предыдущем параграфе. Подобным же образом анонимен оказывается Хлестаков, в отношении которого персонажи часто употребляют слово «инкогнито»: «Ревизор из Петербурга, *инкогнито*» (IV, 11), «У меня *инкогнито* проклятое сидит в голове» (IV, 17), «Он хочет, чтобы считали его *инкогнитом*» (IV, 35). Причем в случаях обоих произведений анонимность и неизвестность это, с одной стороны, черта, пугающая Ковалева и чиновников, а с другой — ожидаемая и поддерживаемая в этих «носах» ими самими.

В комедии Гоголя чиновники готовятся к приезду ревизора, устраняя наиболее, по их мнению, заметные недостатки заведений, которые ревизор станет проверять. При этом они опираются на свое предварительное представление о том, кем может оказаться ревизор. И Ковалев, и чиновники в «Ревизоре» боятся встретиться со своим страхом, и готовы разглядеть его в любом подходящем поводе (отсутствие носа на лице в одном случае и напоминающий ревизора Хлестаков — в другом), при этом им не приходит в голову попытаться оценить ситуацию более трезво. Этот страх в обоих случаях имеет один образ, обладающий качествами, которые присущи странному чудовищу — отдельно существующему носу.

Так, в качестве одной из проблем богоугодных заведений, которые, по мнению чиновников, являются наиболее критичными при инспекции города, определяется запах капусты в коридорах: «Какое колпаки! Больным велено габерсуп давать, а у меня по всем коридорам *несет такая капуста, что береги только нос*» (IV, 21). Представление о предпочтениях сконструированной чиновниками фигуры выдает в них страх Ковалева — встретиться с носом. Они опасаются, что субъект, в котором воплотится этот образ, не останется доволен обонятельно.

Более того, Хлестаков не просто ест, но и принимает съедобные подношения, словно божество. Гоголевские носы, повсеместно требующие табака, и активно его поглощающие, представляются божествами, к которым смертные обращаются с помощью ароматов от принесенной в жертву сожженной плоти. Хлестаков, соответственно, запоминает и узнает окружающих его людей в соответствии с тем, как они его кормили:

Артемий Филипович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком (IV, 63).

Как антропологический образ носа можно определить и заглавного персонажа сказки Э.Т.А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер». Сюжет произведения напоминает сюжет «Ревизора»: большинство персонажей сказки принимают Цахеса не за того, кем он на самом деле является. Волшебные чары приводят к тому, что уродливый карлик вызывает всеобщее восхищение и назначается министром, хотя он этого объективно не заслуживает и даже не прилагает никаких усилий, чтобы поддерживать этот обман: люди сами с радостью создают его божественный образ и охотно ему верят. Как и всех рассмотренных нами ринологических персонажей, его отличает прозорливость, причем с самого младенчества, о чем причитает его мать:

Und dabei *frisft* die unselige Mißgeburt wie der stärkste Knabe von wenigstens acht Jahren<...>. Gott erbarme sich über ihn und über uns, daß wir den Jungen *großfüttern* müssen uns selbst zur Qual und größerer Not; denn *essen und trinken immer mehr und mehr* wird der kleine Däumling wohl, aber arbeiten sein Lebetage nicht!³ (Причем *жрет* окаянный уродец как крепкий мальчик восьмилет <...>. Боже, смилостивься над ним и над нами, чтобы не пришлось нам его *кормить и растить* на свою беду и горе; малыш ведь будет *есть и пить* все больше и больше, а работать так и не сможет!).

Взрослый Циннобер ест также жадно и много: «Zinnober, <...>ohnesichweiteranhinzukehren, *einegebratene Lercheins Maulsteckte*» (63) (Циннобер, <...> неповорачиваясь к нему, затолкал в рот жареного жаворонка), «Zinnober<...>*schmatzte, dieLercheverzehrend, vor Gierund Appetit*» (64) (Циннобер<...>чавкал с жадностью и аппетитом, поедая жаворонка), «Er *verzehreunglaublichviel Lerchen und trank Malaga und Gold wasserdurcheinander*» (65) (Он проглотил невероятное количество жаворонков и пил вперемешку малагу и золотую водку). Как и нос, требующий табака, и, в том числе, Хлестаков, ждущий съедобных подношений чиновников, Цахес собирает жертвоприношения в виде редкой дичи: «Er<...>*bekommt<...>ausdenfürstlichen Waldungen dasselstenste Geflügel, dierarestenTiere, dieer, umebenihre Naturzuerforschen, bratenläßtundauffrisft*» (92) (Он получал из княжеских лесов *ценную птицу, редких зверей*, которых он, ради изучения природы, *приказывал зажарить, и съедал*).

В сказке упоминается и капуста, вызывающая отвращение у носов, как в случае комедии «Ревизор», указанном выше. Антагонисту Цахеса — Бальтазару, т. е. ринологическому персонажу — волшебник Проспер Альпанус обещает сельский дом с чудесным огородом, где, прежде всего, будет произрастать отличная капуста: «*wächstalles, wasdas Hausbedarf; außerdemherrlichsten Früchten derschönste Kohl*» (100) (будет расти все, что нужно дому; помимо наилучших плодов — *прекраснейшая капуста*).

У Цахеса нельзя разглядеть лица — как и у носа гоголевского майора Ковалева, ведь он прячет его в «большой стоячий воротник» (III, 55). Но, приглядевшись, можно различить нос: «*Vom Gesicht konnte ein stump fes Auge nicht viel entdecken, schärferhinsblickend, wurdemanaberwohldie langespitze Nase, dieaus schwarzen struppigen Haaren hervor starrte*»(8). (Лица беглым взглядом было не различить, но, присмотревшись, можно было увидеть *длинный острый нос*, который торчал из черных взерошенных волос). Ковалев так же некоторое время разглядывал фигуру перед ним, прежде чем понял, что это нос: «Каков же был ужас и вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что это был собственный его нос!» (III, 54)).

Вообще Цахес заявляет о себе, прежде всего, через свой нос: «*schnarrteundbrummete<...>, daerkaummitder spitzen Nase überden Tischreichenkonnte*»(65) (ворчал и бормотал сквозь зубы, <...> потому что едва доставал своим *острым носом* до стола), «*daswinzige Männlein<...>, dasmithoch emporgereckter Nase sichkaumaufdendünnen Bein-*

chenzuerhaltenvermochte» (50) (крошечный человечек<...>, который со своим *высоко задранным носом* едва держался на тоненьких ногах).

Персонажи Гофмана и Гоголя похожим образом ведут разговор со своими сюжетными двойниками, которые пытаются добиться справедливой самоидентификации. Можно сравнить диалог Цахесас Бальтазаром:

«„Ich hoffe nicht, bester Herr Zinnober, daß Ihr gestriger Fall vom Pferde etwa schlimme Folgen gehabt haben wird?“ „Ich weiß nicht, was Sie wollen, wovon Sie sprechen, mein Herr! Vom Pferdegefallen? – *ich vom Pferdegefallen?*“» (45) («Надеюсь, уважаемый господин Циннобер, что ваше вчерашнее падение с лошади не имело плохих последствий?», – «Не знаю, чего Вы хотите, о чем Вы говорите, сударь! Упал с лошади? Чтобы я упал с лошади?»)

И диалог Ковалева со своим носом в церкви:

„Милостивый государь...“ – сказал Ковалев <...>: – „я не знаю, как понимать слова ваши... <...> Ведь вы мой собственный нос!“<...>

– „Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных отношений“ (III, 56).

Сравнив данные антрополого-ринологические образы, можно прийти к заключению, что в случае воплощения носа в виде человека, он является фигурой, в которой заключаются страхи окружающих: боязнь Ковалева, видящего отделившийся нос, потерять свой чин, страх перед Хлестаковым у чиновников, благоговейный трепет персонажей Гофмана перед Цахесом. В каждом из случаев ринологическая фигура выступает в виде самозванца, которому все остальные персонажи добровольно поклоняются.

Примечания

¹ *Комментарии* // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] // АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 3. Повести // Ред. В. Л. Комарович. – 1938. – С. 651.

² *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. [В 14 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 4. С. 28. Далее тексты Гоголя цитируются по этому изданию с указанием в скобках римской цифрой тома и арабскими – страницы.

³ Гофман, Э.Т.А. Крошка Цахес по прозвищу Циннобер: На нем. и рус. яз. – М.: Радуга, 2002. – 272 с. – С. 8. Далее тексты Гофмана цитируются по этому изданию с указанием в скобках арабской цифрой страницы.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕКСУАЛЬНОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Н.В. Вагенляйтнер, ОмГПУ, ст.пр. кафедры МИиК ОмГПУ, соискатель кафедры русского языка ОмГПУ
Научный руководитель – Л.Б. Никитина

В современной публицистике привлекательная внешность приобретает роль едва ли не главного средства привлечения внимания к политическому деятелю: зачастую деловые качества политика, его морально-нравственные позиции «уводятся» на второй план, уступая место ярким, притягательным атрибутам внешности. И это неслучайно: внешность является «субъектом информации, характеризующимся экспрессивностью и способностью воздействия на окружающих»¹.

Опосредованность современной политической коммуникации средствами массовой информации во многом определяет ракурс освещения политических событий и их агентов, и существующие в языковом пространстве СМИ тенденции находят свое отражение в репрезентации мира политики. Одна из таких тенденций – эротизация контента СМИ, политического в том числе. Она реализована и в современном политическом языке: профессор А.П. Чудинов отмечает активность метафорической модели «политика – это секс», в соответствии с которой слова, относящиеся в первичном значении к сексуальной понятийной сфере, метафорически обозначают социальные процессы, взаимо-